

с. 2-3

Изд. Москва намъ пошутъ. В театре бывшій Абрамсонъ поставленъ новая 4-актная комедія Ан. Чехова «Дядя». Триггеръ ищетъ для себя предлогъ, что эта пьеса, впрочемъ, не комедія, а романъ, и что, умно нападъ, самый рассказъ или романъ, являясь для чего-нибудь, въ драматическую форму, Условія сданы, по видимому, игнорируются авторомъ какъ пьеса, «Дядя», дивный и языкъ; неожиданныя достоинства произведения молодого писателя свиваются съ недостатками, которые явились слѣдствіемъ переработки романа въ комедію. Языкъ «Дяди» простъ, ясный; много остроумныхъ афоризмовъ и меткихъ сравненій, но въ діалогахъ чувствуются дилеттанты; авторъ влагаетъ въ уста действующихъ лицъ то, что онъ скажетъ въ романѣ отъ себя. Заголовокъ пьесы не вѣрно опредѣляетъ центръ ея тяжести. Но въ провиденіи «Дяди» фигурируетъ всадникъ, мечтающій смягнуть владыку и сидеть при помощи сохранения льсовъ, но «Дядя» и его любовная интрига съ интеллигентной дивницей-романичкой не составляютъ главнаго интереса комедіи. Впрочемъ, авторъ прощаетъ разсѣять идею своего заглавія и въ одной мѣстѣ пьесы объясняетъ, что въ каждомъ человѣкѣ сидитъ кусочекъ «Дяди» (уже въ смыслѣ тяжелаго, отравляющаго жизнь элемента), а зритель больше заинтересованъ въ другой интригѣ пьесы, брачныхъ несчастіяхъ

старого больного профессора и его молодой жены избравшей себя этого вдовца въ мужья за его «замѣчательную дѣятельность». Слѣдствія неравнаго брака понятны, но авторъ не отвѣчаетъ на вопросъ: что же дѣлать такимъ супругамъ, — если только не считать отвѣтомъ рѣшимость сбѣжавшей было молодой жены вернуться и продолжать тянуть ляжку рядомъ съ невозможнымъ, капризнымъ мужемъ. Такая развязка является не концомъ драмы, а чѣмъ-то въ родѣ подписи: «продолженіе слѣдуетъ»; зритель не удовлетворенъ, недоумѣваетъ. Рядомъ стоитъ еще одинъ недостаточный разработанный мотивъ: любовь пожилого человѣка къ женѣ профессора, и рядомъ еще одна слабо намѣченная интрига отчаяннаго, «донжуанистаго» мужчины съ юной хозяйкой свенной дѣвочки, напоминающей Мариньку изъ «Обрыва». Какъ видите, интересныхъ мотивовъ много, но именно это изобиліе и помѣшало автору благополучно уложить пьесу въ рамку комедіи. Остается еще разъ пожалѣть, что богатый матеріалъ для прекраснаго романа пошелъ на пьесу.